

ОСЕТИНСКИЙ ИЗДАТЕЛЬ ИЗ БЕРЛИНА

...Я проснулась ночью от шума. Горел свет. Рядом с моей кушеткой на стуле сидел отец и дрожащими пальцами натягивал носки.

По комнате ходили, топали сапогами несколько мужчин в военном. Затем они все ушли, уведя с собой отца.

Рыдала, причитая, мама: «О горе мне! Разрушился наш очаг!» Молчал, опершись на неизменную палку, дедушка. И оба они не заметили, что впервые за 20 лет жизни в одном доме он услышал голос своей невестки /по осетинскому обычаю мама не разговаривала при свекре/. Мы с сестрой плакали вместе с мамой, но не до конца понимали, что произошло, не знали, что отца мы больше никогда не увидим.

Отец исчез. А вместе с ним исчезли и все «богатства» нашей семьи: граммофон с огромной трубой, который отец заводил по торжественным дням, альбом в зеленой плюшевой обложке с красивыми пасхальными открытками /я хвастливо показывала их своим подружкам/ и «святая святых» — пишущая машинка. Это была самая ценная вещь в нашем доме. Только в присутствии отца можно было прикоснуться к ней. Мне, как любимице, иногда разрешалось и отстукать пальцем несколько слов.

Все это было привезено от мифического дяди Евгения из далекого Берлина, куда отец ездил в 1924 году за лино-типным станком.

Я не знала, что такое линотипный станок, дядю я тоже не помнила /он приезжал в Осетию в 1927 году, когда мне был всего год/, но он казался мне сказочно богатым. Ведь только благодаря его подаркам — двум костюмам и коричневой фетровой шляпе — папа был самый нарядный и красивый. Я не замечала тогда, что костюмы сидят на отце мешковато: Евгений был намного крупнее брата.

В семье у нас был «культ» дяди. С ним советовались по

всякому поводу, если не прямо, то рассуждая: «А что бы сказал на это Дзиборка?» /Так называли его в детстве все домашние/.

Письма от дяди читались вслух по несколько раз, затем вкладывались в зеленый альбом, постоянно лежавший на комоде. Иногда в воскресенье все в доме затихало, ходили на цыпочках: это отец пишет письмо в Берлин. Когда я научилась писать, мне разрешалось добавить несколько слов в письма отца, и я тогда была страшно горда собой.

И вот всему пришел конец. Это было 28 октября 1937 года.

На следующий день мама, собрав какой-то узелок, отправилась искать отца. Я везде ходила вместе с ней: мама не совсем свободно говорила по-русски, а, нервничая, вообще не могла выговорить ни слова.

Помню, вначале мы пошли в тюрьму на улицу Ноя Буачидзе /она и сейчас там/, отстояли полдня в длиннющей очереди. Через маленькое окошко нам буркнули: «Такого у нас нет!» /Как точно подобная сцена показана в фильме Абуладзе «Покаяние»! /

В последующие дни мы методически обходили все места, где содержались арестованные. А мест этих в городе было много. Везде, где решетки на окнах, там и заключенные.

Наконец в помещении военкомата /тогда он находился на улице Кирова, где сейчас сельхозинститут/ у нас приняли передачу. Через две недели еще одну.

Как-то по городу пронесся слух, что ночью будут вывозить арестованных. Когда стемнело, мы отправились на вокзал. Вереницы людей тянулись по улице Кирова... Таясь, молча, боясь заговорить друг с другом... Приблизились к вокзалу. Долго стояли, прячась во дворах и парадных близлежащих домов. Рассвело, и все разошлись, ничего не узнав.

Когда в середине декабря мы принесли очередную передачу с выстиранным теплым бельем, нам сказали: «Выбыл!» Это прозвучало правдоподобно: значит, действительно, в ту ночь был этап и отца сослали. А мама до конца дней своих /она умерла в 1983 году/ мучилась, что не успела передать ему теплое белье. Бедная мама не предполагала, что тогда уже отцу ничего не нужно было!

И вот началась наша жизнь без отца, доброго, мягкого, веселого. Как я тосковала по нему! Сколько слез пролила над его балалайкой, на которой он наигрывал осетинские мелодии, подпевая красивым голосом. Как много интересно он знал! Он первый мне рассказал о «необыкновенном человеке, вожде, друге Ленина» Сталине. Это под влиянием его рассказов я начала фанатично любить Сталина. Как я завидовала своей сверстнице Мамлакрат Наханговой, которая

обнимала Сталина! Я рыдала от счастья, когда 1 мая 1948 года, проходя в колонне демонстрантов МГУ мимо Мавзолея, сподобился лицезреть Его! И ведь не только я. В нашей колонне шли фронтовики, и у многих были слезы на глазах. «Любовь» эту я пронесла до XX съезда.

Страсть к чтению мне тоже привил отец. Он очень любил детей, увлекался переводом детских книг с русского на осетинский. Помню одну — «Рикки-Тикки-Тави» Киплинга. /Несколько лет назад мне попала эта книга на осетинском, но, увы, переводчик не К. Гутнов/.

Были в доме и книги, изданные в типографии Е. Гутнова в Берлине. Все дела по распространению своих изданий в Осетии Евгений поручал брату, «моему доверенному лицу»,¹ как называет он отца в письме, хранящемся в Центральном Государственном архиве СОССР. Зрительно помню «Ирон фандыр», «Вильгельм Телль» Шиллера, сборник осетинских рассказов и анекдотов, открытки с фотографией Коста. Все это было у нас и после ареста отца. Куда подевалось — не знаю. Что-то в гневе рвала мама, так как считала дядю виновником ареста отца: ведь во время обыска забрали то, на чем были надписи на немецком.

На попечении мамы, женщины без образования и специальности, остались 80-летний дедушка, брат, еще школьник, и я, ученица 4-го класса (старшая сестра была замужем). Попыталась мама устроиться в типографию, где когда-то проработала год в переплетном цехе и где отец много лет работал до ареста — не приняли. Устроилась посудницей в столовой, а затем чернорабочей на консервном заводе.

А я, начиная с 1938 года, все писала и писала письма. Сначала «любимому Сталину», затем Берия. Я писала о том, какой у меня хороший отец, какой он верный ленинец и какая чудовищная ошибка его арест. Все без ответа.

Только однажды, в 1940 году, меня вызвали в НКВД, и военный, держа в руках конверт (видимо, мое письмо), настойчиво допытывался, откуда я знаю, что Берия надо писать на Площадь Дзержинского. Затем он сказал: «Твой отец — враг народа. Он сослан на 10 лет без права переписки». Наивные, мы стали ждать конца этих 10-ти лет!

В 1947 г. уже в Москве, на той самой Площади Дзержинского, в ответ на запрос о судьбе отца мне сказали, что он умер в лагере в 1942 году. Сестре же моей через не-

¹ На 4-ой странице обложки сборника Коста Хетагурова, изданного в 1922 г. в Берлине, указано: «Изд. Братьев Гутновых. Берлин — Владикавказ».

сколько лет выдали свидетельство о смерти, где указано, что умер Гутнов К. С. от крупозного воспаления легких 23 декабря 1943 года.

Чему верить? Ничему! Все это была ложь. Теперь-то мы знаем, что «10 лет без права переписки» — это расстрел. Но даже в 1955 г. Верховный суд СОАССР, выдавая справку, уклончиво написал, что дело отца, «осужденного бывшей тройкой НКВД СОАССР, производством прекращено...» «Осужденного» на что? Неизвестно!

Много лет прошло с 1937 года. Отец мой 1892 г. рождения, едва ли он был бы жив. Может, кому-нибудь покажется, что не стоит ворошить прошлое. Так много мы знаем о том времени, столько написано, уже и «Архипелаг ГУЛАГ» прочли. Но чем старше я становилась, тем сильнее мною овладевало желание узнать все-таки правду о моем отце, о его судьбе.

И вот гласность! В 1989 г. КГБ СОССР мне сообщил (правда, пока осторожно, устно!), что по решению бывшей тройки НКВД от 7 декабря 1937 г. Гутнов К. С. расстрелян 10 декабря 1937 г. Ему инкриминировалось: «был членом контрреволюционной, буржуазно-националистической, шпионской, повстанческой организации; вел контрреволюционную пропаганду и шпионско-разведывательную работу в пользу фашистской Германии». Вот так! Ни больше, ни меньше! Классический набор всех мыслимых ярлыков!

Когда на Первом Съезде при утверждении на должности Председателя КГБ и один из заместителей Генерального прокурора на вопросы депутатов ответили, что бывшие репрессированные и их ближайшие родственники могут ознакомиться с уголовными делами, я опять начала писать...

И вот я листаю эту пожелтевшую папку: ордер на арест, опись изъятых вещей, анкета, протоколы допросов, обвинительное заключение, решение тройки, справка о приведении приговора в исполнение 10 декабря 1937 г. в 20 час.... Неужели прошло больше 50-ти лет с тех пор? Почему же тогда так сжало в груди, почему так подкашивались ноги, когда я вышла из Главной военной прокуратуры? А может, искренне те, кто говорит, что не поощряет ознакомление с уголовными делами только из сочувствия, оберегая родственников от потрясений?

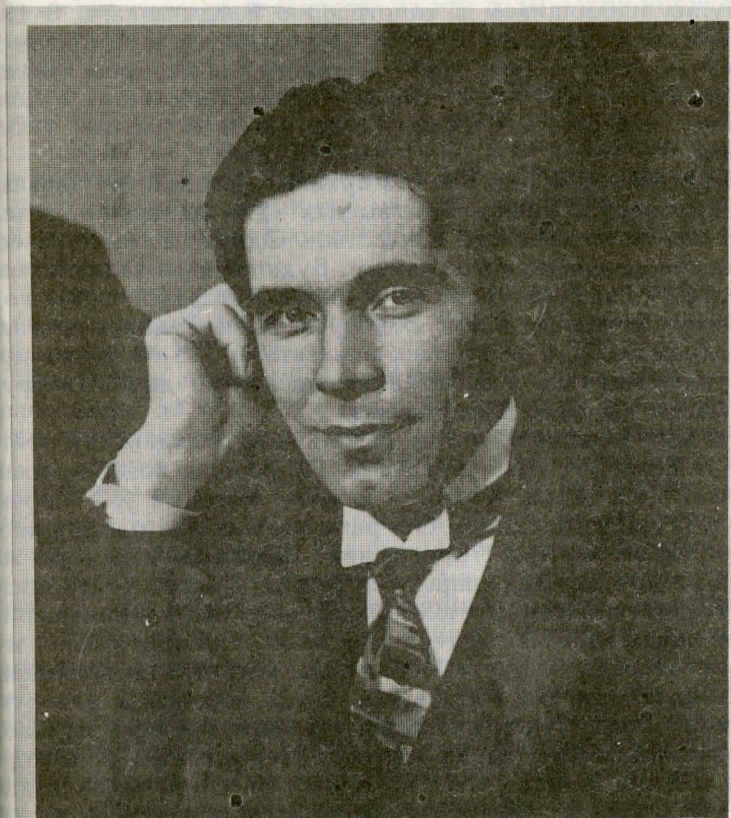
Вместе с отцовским — дела еще 8 «преступников» якобы членов какой-то «Народной партии». Одновременно с отцом расстреляны Амбалов Цоцко Бицоевич, Зангиев Бабу Касаевич, Дзасохов Михел Тасоевич, Дулаев Камболат Куцкоевич, Кцоев Бекмурза Васильевич, Фардзинов Ханджери Урусбиевич, Аладжиков Будзи Николаевич.

Кирилл Гутнов

Обвинительное заключение составлено В. А. Боярским, теперь уже известным всей стране палачом, которого «за давностью совершенных преступлений» ~~уже~~ и судить-то нельзя. На фоне тех злодейств, которые числятся за ним, дело моего отца и его 8 «однодельцев» — капля в море. Ведь даже в списке тех, которых тройка приговорила в один только день, мой отец был во второй сотне. И если у него был «криминал» — связь с братом, с 1912 года жившим в Германии, то у остальных наверняка и этого не было.

В качестве вещественного доказательства в деле подшиты письма Евгения к отцу. После чтения их особенно абсурдным кажется предъявленное отцу обвинение, что он сообщал

Евгений Гутнов

брату сведения о типографиях в Орджоникидзе и их адреса. Ведь из писем видно, что Евгений был прекрасно осведомлен о типографских делах во всем мире, а не только в Осетии.

Я попросила вернуть мне письма. Этого сделать нельзя, пока не завершится дело Боярского, поэтому мне выдали ксерокопии их.

Вновь и вновь перечитываю я письма. И предо мной встает образ дяди, человека умного, делового, образованного. С первых его писем, хранящихся в архиве, и до последнего, написанного в 1968 году, ощущается его любовь к

Осетии. И вспоминаю я все, что было известно о дяде в семье.

Совсем юным он уехал из селения Дзивгис, где родился, поступил наборщиком в типографию Владикавказа. В 1908 году он перебрался в Петербург, где работал и одновременно учился. Но в 1912 году за участие в беспорядках его арестовали, а освободив, лишили права жительства в центральных губерниях России. Тогда Евгений выехал в Германию.

В письме 1922 года (оно в архиве) Евгений, не вдаваясь в подробности, пишет, что выехал «для довершения дела изучения типографского искусства». Однако в семье известна версия вынужденного отъезда. Будь поездка запланирована, едва ли Евгений забрал бы к себе в Петербург в 1912 году 6-летнего младшего брата Эльбруса. Да и Эльбрус помнил, как однажды брат не пришел ночевать, и кто-то из его друзей увел мальчика к себе. Через несколько дней Эльбруса отправили назад во Владикавказ.

На время мировой войны, революции, гражданской войны связь с Евгением была прервана. Переписка возобновилась в начале 20-х годов. К этому времени Евгений уже прочно обосновался в Берлине. Он работал вначале наборщиком в небольшой частной типографии. Влюбился и вскоре женился на дочери владельца типографии Фриде. Когда после смерти тестя Евгений стал обладателем этой типографии, то он начал издавать литературу на осетинском языке, и в первую очередь — Коста Хетагурова, которым он восхищался со школьных лет в Дзивгисе, с тех пор, как в его руки впервые попал «Ирон фандыр», ставший для него путеводной звездой («мæ царды рухс»). Невозможно и сегодня без волнения читать слова, которыми он сопроводил изданный им в 1922 г. «Ирон фандыр»: «... Говорю Коста: «Да святится имя твое! Вся Осетия благодарна тебе!» Книге его — «счастливого пути в родную Осетию». Евгений и единственному сыну, родившемуся в 1924 г., дал имя любимого поэта и называл его Коста (не Костя).

В том же году Евгений обратился в Отдел народного образования с просьбой помочь добиться визы для выезда Эльбруса в Германию. Судя по письмам, им руководило два мотива: во-первых, помочь брату, который «алчит лучших условий для умственной работы, стремится выбиться из тисков окружающей его тяжелой жизни»; во-вторых, проложить дорогу для способных осетинских юношей к европейской культуре: «Отдел народного образования выполнил бы святое дело не только по отношению к моему брату, если бы помог мне организовать его поездку в Берлин. Быть может, этим

путем пошли бы и другие трудолюбивые юноши нашего края... Кавказские народы: грузины, армяне, татары — давно уже это сделали, я встречал за эти годы сотни юношей от этих народов, учащихся здесь на государственный, общественный и на свой счет, но ни одного осетина среди них не было, о чем я всегда горько сожалел. Теперь, когда судьба нашего образования и всего культурного прогресса находится в наших же руках, наш долг общими усилиями сделать это полезное во всех отношениях дело... Расход на отправку брата я, конечно, принимаю на себя, мне нужно только содействие по выполнению всех формальностей по доставке его до границы Германии».

Хлопоты Евгения увенчались успехом и в конце 1922 года шестнадцатилетний Эльбрус выехал в Германию, где он находился до 1927 года.

Последнее письмо Евгения, подшитое в уголовное дело моего отца, от 22.05.1935 года. Долгие годы мы ничего не знали об Евгении. После 1945 года Эльбрус делал попытки что-то выяснить о брате. Это было сложно, так как район, где жил Евгений, находился в Западном Берлине. Наконец в 1967 году удалось через Красный Крест узнать его адрес. Эльбрус написал брату. Вскоре пришел ответ Евгения. Этого письма в бумагах Эльбруса я не нашла (сам он умер в 1981 г.), но я читала его и помню содержание. Письмо было написано от руки (обычно Евгений печатал письма на машинке). Письмо длинное, неровные строчки, видно, что писалось дрожащей рукой. Но рассуждения были логичны, здравы. Родной язык он еще помнил: к месту были вставлены осетинские слова. Он писал о том, что жена его, Фрида, умерла от рака, Коста оказался плохим сыном: он влез в какие-то долги, разорил Евгения, бросил его. «И теперь я нищенствую», — эту фразу я помню дословно. Он просил Эльбруса помочь ему: переслать валюту. «Те, у кого нет накоплений, здесь считаются нищими». Что мог послать ему Эльбрус? Правда, какие-то попытки, я помню, он делал, чтоб перевести рубли на марки, но ничего у него не вышло. Мне кажется, что Евгений, помня о том, как много он сделал, чтобы брат получил образование в Германии, обиделся, заподозрив Эльбруса в нежелании помочь ему. Евгений просто переоценивал возможности брата. Сохранились два последних письма Евгения, полные печали и горечи. Но даже в последнем письме он, старый, больной, беспокоится о судьбе сохранившихся у него осетинских книг!

...Мне стало трудно нести в себе всю боль, поэтому я публикую письма в надежде, что кто-нибудь помянет добрым словом братьев, чья судьба сложилась так трагически...

* * *

Письма Евгения Гутнова были уже сданы в журнал, когда я встретила с удивительным человеком (он все знает, все помнит!) — Казбеком Гутиевым. По совету Казбека Цицаевича я познакомилась в Республиканской научной библиотеке и библиотеке НИИ с книгами, изданными Е. Гутновым (помимо сборника Коста «Ирон фандыр») в Берлине:

1. В. Я. Иксуль. Кавказские наброски. (На русском яз.) 1922 г.
2. Андрей Гулуев. В ночи бессонные. (На русском яз.) 1923 г.
3. Осетинские веселые рассказы и анекдоты. 1924 г.
4. Шиллер. Вильгельм Телль. Перевод Амбалова Цоцко. 1924. (На экземпляре, хранящемся в отделе редкой книги Республиканской библиотеки, дарственная надпись моего отца Сармату Косирати).
5. Георгий Малиев. Горские мотивы. Стихи. (На русском яз.) 1924 г.
6. Амбалов Цоцко. Сказание о сыне нарта Хамица Батрадзе. 1924 г.
7. Короленко. Сон Макара. Перевод Амбалова Цоцко. 1925 г.
8. Цомак Гадиев. Волны жизни. 1925 г.
9. Песнь об Алгузе, 1922 г.
10. Евангелие (на осет. яз.)
11. Отрывной календарь.

В 1 выпуске «Известий Научно-исследовательского института краеведения», вышедшем в 1925 г., помещена статья Ц. Гадиева, приветствующего появление Шиллера на осетинском языке. Высоко оценивая перевод Амбалова Цоцко, Ц. Гадиев отмечает и качество издания: «Внешние данные издания не оставляют желать ничего лучшего. Печать, бумага, старинные иллюстрации из хроник и т. п. — все это создает впечатление особой солидности издания, чего нельзя сказать ни об одном осетинском издании до настоящего времени»...

В том же выпуске — статья Андрея Гулуева по поводу выхода сборника Георгия Малиева «Горские мотивы», где также отмечается: «Издана книжка хорошо, как и другие издания Е. Гутнова».

Сохранилось и несколько экземпляров книг, переведенных К. Гутновым и изданных во Владикавказе в 1931 г. («Каштанка» Чехова, «Как волчица на свете жила» Бодстрома, «На бахчу» Замчалова) и в 1935 г. — «Рикки-Тикки-Тави» Киплинга. Книга Киплинга переиздавалась в 1958 г. На обо-

rote титульного листа указано: «Перевод на осетинский язык» без указания фамилии переводчика. При сравнении видно, что переводы идентичны, за исключением незначительных редакторских правок.

З. Бутаева

* * *

Берлин, 20.08.1931 г.

Дорогой Кирюша!

Твое письмо от 6.8 получил. Очень меня обрадовало. Заведующий издательством и типографией должен, главным образом, следить за организацией и должен создавать тесный контакт всех цехов с соответствующими примыкающими к ним отделениями. Это есть главнейшая задача заведующего. В частных предприятиях заведующий является и финансовым директором. Я не знаю в данном случае, как это у вас там организовано. Калькуляционный отдел должен строго следить за тем, чтобы книги и газеты продавались так, чтобы можно было получать выгоды и тем самым, значит, предприятие было поставлено на коммерческую самостоятельную базу. Насколько мне известно, речь Сталина обязует всякое предприятие в СССР к тому, чтобы каждое предприятие становилось на самостоятельную базу, т. е. государственных дотаций не будет больше давать, и кто в балансе получит дефициты, тот должен, значит, ликвидировать свое предприятие. Я имею в виду речь Сталина на последнем конгрессе ЦК, где он привел семь параграфов о новейшей тактике партии в промышленности и пр. Значит, твоя задача создавать контакт между всеми примыкающими к предприятию цехами, соединять их тесно, и чтобы работа везде шла продуктивно и плавно. Ты должен бороться против всех сплетней и всех интриганов. Удали всех из предприятий — вот тогда будет плавная работа. Каждая работа должна начинаться там, где она должна начинаться, и кончаться вовремя там, где она должна кончаться. Бестолковая беготня и непродуктивные перезпросы должны быть уничтожены. Оригиналы должны поступать вовремя. Оригиналы должны быть проверены грамматически, тактически и пр. и пр., а также переписаны на машинке до сдачи в набор! Корректуры авторские должны быть доведены до нуля! Автор должен проверять свою рукопись до набора и ни в коем случае не после набора! Так поставлено в капиталистических странах уже давно и это коммерчески правильно! Только в очень плохо организованных издательствах капиталистических стран авторы проверяют свою рукопись после набора.

Этого не должно быть ни в коем случае! В Москве ведется также большая борьба против этого, но никак еще не довели до цели. Ты можешь это довести. Рабкоровские заметки должны проверяться и переписываться на машинке в определенном месте редакции и передаваться в набор только в очень хорошо проверенном виде. Поставить это — твоя задача! Ты можешь это провести и там, где нужно доказать стороны невыгоды! Перебор стоит значительно больше, чем набор! Ты должен от поры до времени проверять редакционные запасы материала и следить за их состоянием. Ты должен также проверять ежедневно все отделы вообще — следить за правильным и нормальным ходом дела. Всякие нарекания должны уничтожаться. Ты должен обходить по возможности ежедневно все примыкающие к предприятию «Растдзинада» отделы, также магазины и пр. Думать о том, как создавать выгодные приемы работы и пр. Ты должен следить также за тем: как и куда отправляются газеты и книги, искать возможности их лучшего распространения. Советоваться с твоими помощниками. Ты должен выслушать у каждого рабочего его мнение. Заведи американский пример. Там заведено так: имеются почтовые ящики на предприятии, рядом с почтовыми ящиками имеются напечатанные листы с корешками. Любой рабочий может советовать какой-нибудь новый прием работы, более выгодный. Подавая в почтовый ящик написанный совет, он отрывает корешок этого совета, и никто не знает, от кого исходит этот совет. Только когда принимается этот совет и применяется на практике, рабочий подает корешок в правление и получает вознаграждение за свой совет. Размеры этих вознаграждений от 10 до 100 долларов. Каждый рабочий должен быть заинтересован и привлечен к такого рода советам: будь это вознаграждение финансовое или моральное, но какое-нибудь признание должно быть, иначе у него нет никакого интереса к правильному течению дела. Поставить можно, Кирюша, все образцово. Я бы тебе мог охотно помочь практическими советами на месте, видя все, что делается и как делается. Но, не видя того, как это делается, трудно дать конкретный практический совет. Можно только говорить теоретически, а теоретически то, что я здесь привел, правильно и проверено на практике. Постарайся извлечь что-нибудь из этого. Одно только советую: не унижай себя и не уничтожай своего достоинства. Я уверен, что если бы ты ничего не мог делать, то тебя бы не выбрали. Верь в свои силы и работай, веря в свою работу! Ты говоришь о безграмотности, напрасно: ты по-осетински, может быть, лучший знаток языка, а по-русски у тебя ведь мало, что делать. Кроме того, я видел из Москвы

и Ленинграда не одного управляющего типографией с тремя или двумя тысячами рабочих — они малограмотнее тебя. Я бы мог тебе назвать не меньше двадцати человек такого рода людей. Верь в свои силы!

Итак, желаю тебе от души успехов! Пиши и спрашивай все, что тебе надо. Задавай конкретные вопросы как и что!

Итак, привет тебе от всех наших.

Твой Евгений.

По возможности нужно предприятия — все поместить в один дом!

* * *

Берлин, 28.9.1931 г.

Дорогой отец!

На днях я послал тебе по почте один пакет с продуктами, как, например сахар, крупа, жир и пр. весом 17 немецких фунтов, а в граммах выражаясь, 8500 граммов чистого веса. Таможенные и прочие расходы уплачены также здесь, а потому платить ни в коем случае ни за что не нужно. Если бы почему-либо требовали с тебя какую-нибудь плату, то откажись от приема и скажи, чтобы они послали обратно отправителю. Я тогда отсюда затребую от того места, которое ответственно за это. Итак, прошу не платить никакие сборы за пакет! Кирилл мне написал, что он поехал в Москву по делу. Я ему туда уже написал. Эльбрус мне ничего не пишет. От Нади¹ я получил ее фотографию. Спасибо ей. Я ей также пошлю фотографию. Привет передай всем, всем родственникам и знакомым!

Твой Дзиборка

Берлин, 22.10.1931 г.

* * *

Дорогой Кирюша!

Удивляюсь и завидую твоему спокойствию. Пишу тебе спешное письмо, а ты совершенно ни на что не реагируешь². Пишу Котикову,³ чтобы он позаботился о тебе, а ты просто не находишь нужным зайти к нему. Это просто безобразие с твоей стороны. Я тебя не понимаю, зачем ты поехал в Москву. Я теперь боюсь, что ты не обращаешься также и к управлению Курсов Красных Директоров. То, что ты пишешь, что там и в другом месте требуется знание географий, Физики и пр. — это чушь! Ты приехал в Москву и начал учить-

¹ Нада — сестра Евгения. (Все прим. З. Бутаевой).

² Здесь и далее выделено следователями.

³ Личность не установлена.

ся бухгалтерии. Этому ты мог научиться и во Владикавказе. Из-за этого, правду говоря, не было смысла и командировать тебя туда. Не понимаю тебя. Ты должен учиться, а для этого ты должен вращаться с людьми, в предприятиях, надо бывать и учиться организации их в школе, т. е. на курсах проходить теорию. Вот твоя основная задача. Бухгалтерии можешь научиться во Владикавказе или Нальчике и даже в Моздоке. Котиков пишет в Торгпредство на имя заведующего полиграфич. отделом Баренсу,¹ чтобы он мне передал, что Котиков делает все, что он может, в помощь моему брату, но брат мой еще не считал нужным обратиться к нему. Видишь, как ты поступаешь. Итак, если ты хочешь учиться, то надо бывать у людей, как я тебе писал. Изучать организацию предприятий в связи с издательствами, распространением и пр. и теорию проходить на курсах. Бухгалтерия же не задача твоя. Быть бухгалтером не искусство, и задача бухгалтеров не такая большая, а, наоборот, очень третьестепенная.

Жду твоего ответа и твоих серьезных шагов!

Привет

Твой Евгений

Привет Эльбрусу!

Берлин, 16.11.1931 г.

Дорогой Кирюша!

Позавчера только что послал тебе письмо, а вчера я получил твое письмо, в котором ты пишешь, что переселяешься в общежитие, но не написал в какое. Ты мне должен немедленно же сообщить об этом. Я подробно сговорился с Урб., а теперь ты сообщаем, что твоей семье не выдают обещанную сумму. Это печально, но я ничего не могу поделать. Ты должен со своей стороны, должен там нажать в скором порядке. А учиться тебе непременно надо только на Курсах Красных Директоров, а не в Институте, насколько я знаю оба учреждения по их программе. Ты должен сознаться, что из тебя сделать практиканта-теоретика инженера-полиграфа трудно и для этого нужно потратить годы и годы на всякие подготовительные работы и нужно обладать пером и пр. Неужели ты полагаешь, что тебе это удастся. Я сомневаюсь. Тебе нужно приобрести знание практически как руководителя делом, быть руководителем-практикантом, я уверен, что это по программе скорее получишь на Курсах Красных Директоров. Ты ведь уже состоишь руководителем и тебе нужно это руководствующее место выполнять на 100 проц. — вот твоя задача. Общие же знания можно и

¹ Баренс — заведующий бумажно-полиграфическим отделом Торгпредства.

самому усваивать, и с помощью соответствующих преподавателей, а таких имеется во Владикавказе также много. Ты упоминаешь такие теории как геометрию, биологию, химию и пр., ты спрашиваешь меня о том, имею ли я такие познания и приобретал ли их. Я тебе отвечу, что нет, так как в них не было особой надобности для моей практики. То, что нужно было, я приобретал, а то, что отвлеченное, не требующееся — я не старался приобретать. Но зато, если меня спросит кто-нибудь по полиграфии, даже если профессор, то я ему смогу ответить на все 100 вопросов и дам ответы, какие нужны. Полиграфия так многогранна, что если углубляться в нее, то для других теорий не останется времени.

Пиши свой адрес. Привет Эльбрусу.

Твой Евгений

Берлин, 22.2.1935

Дорогой Кирюша!

Твое последнее письмо я получил. Ты прав, говоря, что мы редко переписываемся. Часто это зависело и от тебя. Теперь уже ты написал порядочно много. Ты мне написал, как твои дети учатся. Жаль, что Фуза отстала в последнюю минуту. Коста тоже учится. Он находится в реальной школе, как это здесь называется. Учится пока хорошо. Обижаться не можем.

Иностранные языки — пока только французский. Порусски, жаль, еще не было возможности обучаться, не с кем! Я прихожу вечером домой, и тогда мальчик уже усталый и не хочет сухим языком заниматься и к этому прибавляется еще, что я часто отсутствую. Вот теперь мне нужно опять ехать в Эстонию по делу. Там нужно держать инструкцию и прочитать опять пару докладов о новинках. В общем мы живем, пока здоровы. Фрида также передает вам всем привет. С Крис мы вовсе не сходимся больше. Соня и ее семейство переселяются, вероятно, в СССР, вероятно, в Баку. Семейство Гретеля и Эрнста живы и здоровы. Передают тебе привет. Как только появятся семена для огурцов в продаже, так сейчас же тебе вышлю.¹ Пока еще рано. На этот раз у

¹ В 1934 г. работникам типографии выделили по Гизельской дороге участки земли с фруктовыми деревьями. Отец вкладывал много сил и души в этот участок. Соседом по участку был наборщик типографии В. Аблов, друг отца. Помню, как они договорились попросить у Евгения какие-нибудь «заморские» семена. Судя по этому письму, отец попросил семена огурцов.

меня просьба к тебе: мне нужно удостоверение церкви из Владикавказа (ты это сможешь устроить) о том, что наш отец Сосик родился тогда-то и тогда-то. Его отец, (кажется, Мисирби) и мать отца, а также наша мать Гадзи были православные и национальностью осетины. Вот такое удостоверение мне нужно очень быстро и прошу тебя достать мне такое. Если есть какая-нибудь возможность, то указать дни рождения родителей и прародителей! Очень прошу тебя и жду скорей скорой высылки такого удостоверения.

Как ваша типография? Развили еще больше, или оставили в прежнем состоянии? Эльбрус сюда тоже не пишет с того времени, как я уже тебе сообщал.

Привет всем от нас троих
Твой Евгений

Берлин, 22.5.1935

Дорогой Кирюша!

Не помню какого числа прошлого месяца я тебе писал. Относительно документов через посольство наверное ничего не выйдет, если ты их не можешь получить и прислать заказным. Я был несколько недель в Эстонии и вот в воскресенье этой недели выезжаю опять туда. По делам инструкции по линотипу и два раза давал лекции по новинкам в линотипах и значение линотипов в настоящее время в полиграфической промышленности. С результатами я доволен.

Дома все в порядке и все трое мы здоровы. Как вы там живете? Пиши иногда. Привет от нас.

Твой Эльбас

Берлин, 4.11.1935

Дорогой Кирюша!

Твое письмо от середины сентября я получил и сейчас тебе ответил, что я как раз в конце сентября опять уезжал по делам в Прибалтийские страны. Теперь я вот три дня тому назад опять приехал обратно. Как ты живешь и можешь и как жива твоя семья? Эльбрус к нам так и не пишет, но мы не намерены жаловаться ему. Мы пока также живы и здоровы.

Как типография Сев. Осетии не установила еще советские линотипы? Ведь там же все автономные области уже поставили машины. Что же вы там делаете? Неужели думаете руками лучше и быстрее?

Клей на письма всегда различные почтовые марки, если еще есть, то, пожалуйста от спартакиады также, их всего шесть штук. По возможности заказным все посылай!

Привет всем. Твой Евгений.

15 января 1936 г.

Дорогой Эльбрус!

Одно письмо (карточка «С Новым годом») получил я ровно 2-го января. Содержание тебе еще известно, где ты пишешь, что окончательно отказано и что нет никакой возможности что-либо дальше сделать. Ровно четыре дня позже получил твое длинное письмо, что ты подал опять заявление для разрешения посылки денег и что ты там приложил все мои соответствующие бумаги. Значит, это то, что ты с кем-нибудь говорил об этом и наверное тебе как-нибудь иначе посоветовали.

Я хотя раньше никогда не был пессимистом, но теперь я потерял всякую веру. Посылки с продуктами ни в коем случае, так как я теперь узнал, что таможенные сборы значительно выше, чем их здесь купить. Сейчас не только у нас в Берлине, но в радио передавали, что в Москве даже еще холоднее два раза больше, чем в Берлине.

В 1912 г. в Питере я ходил по улице при 30 градусов по Цельзиусу почти в летнем пальто, а теперь я при 10 градусах не выхожу и в зимнем пальто. Это значит мои 80 лет говорят за то, что довольно жил «кончай свои дела» так говорит мне Мефисто!

Но если бы это так просто было, что можно прямо так делать, как Мефисто приказывает, то мне бы надо было одному доктору какие-нибудь 10 или 20 марок заплатить и он вспрыснет и все готово, но, к сожалению, даже и 100 марок и больше никакой врач (и за 1000 марок не сделает) не берет, так как он попадет сам в каторгу!

Поэтому мы, простые люди, говорим: «Судьба», и мучаемся дальше. К сожалению, я бы вам охотнее написал веселое письмо, но нет больше сил для этого.

Более шести недель мучился и лежал в постели. Первые три недели приходил врач ко мне каждые два дня, потом два раза в неделю и позже я должен был ходить к нему каждые три дня.

Врач и медикаменты ничего мне не стоят, так как это за счет страхования на случай инвалидности идет. Но я так страшно ослаб от этого, что вот теперь только начал чувствовать себя здоровым. Ну, посмотрим, как будет дальше.

Берлин, 3-го мая 1968 г.

Дорогой Эльбрус!

Твое письмо без даты получил полчаса назад. Содержание тебе известно. Ты болел и, к сожалению, я тоже болел и болею еще и моя болезнь, вероятно, неизлечима.

Обо мне не будет ни Германия и ни одна страна не будет плакать, и я прожил уже достаточно времени: ровно 11 марта сего года уже живу 80 лет, и этого достаточно человеку. Свое тело после моей смерти я подарил университету для их студентов. Они найдут много интересного в моем теле. После меня сожгут и мне за все это не нужно платить, так как за это государство платит. У меня находятся еще по крайней мере 5 килограммов осетинских книг, изданных во Владикавказе и у меня, я не знаю, можно ли их послать к тебе или нет?

Здесь они чужды и никому не нужны, а там, может быть, ценны.

Если я еще буду жить, то в начале сентября сего года намерен переселиться в западную Германию. Я не могу здесь больше за квартиру платить, так как за короткое время подняли цены за квартиры до 50 процентов, инвалидные же деньги поднялись только на 8 процентов. Если хочешь мне еще ответить до августа месяца, то буду рад.

Итак желаю вам всем здоровья и счастья!

Твой Евгений

Вольфганг Ленц

В ПАМЯТЬ О ГАППО БАЕВЕ

Публикуемый ниже материал об осетинском просветителе Гаппо Баеве редакция получила из Швеции от проживающей там нашей землячки Азы Додгиевны Ботоевой, которая обнаружила его в Стокгольмском хранилище иностранного отделения Берлинского университета при любезном содействии доктора Арановича, директора Шведского института перевода Библии. Материал публикуется с незначительными сокращениями.

Гаппо — так звучит имя нашего осетинского лектора на его родном языке — прислал мне недавно свою фотографию с поздравлениями по случаю пасхи. На обратной стороне — добрые пожелания на трех языках — немецком, осетинском, русском. Он имел обыкновение так писать и так говорить. Казалось, этот почти семидесятилетний человек не мог или не хотел взять один из основных аккордов своих мыслей и чувств без того, чтобы одновременно не заставить звучать все остальные. Он называл себя осетинским и русским писателем и не забывал добавлять при этом, что признание своего творчества он впервые обрел в Германии.

Можно коротко назвать даты его жизни. Родился в столице своего немногочисленного горского иронского народа на Центральном Кавказе — в г. Владикавказе 9 сентября 1869 года. Является потомком двух знатных фамилий на своей родине — Ба или Бата и Алдатовых.

В течение нескольких лет он воспитывается в местечке недалеко от немецкой границы на Балтике в доме своего дяди по отцу Гадо Михайловича Баева, ставшего впоследствии генералом и начальником пограничной службы всего Юга России. Затем поступает во вновь образованную классическую гимназию в своем родном городе. В Одессе изучает право. В 25 лет устраивается адвокатом во Владикавказе и вскоре становится одним из тех, кто поддерживал процветавшее тогда движение в осетинском языке.